

УДК 801

ББК 81.411.2

Г 95

Г.Б. Гурцкая, В.Б. Гурцкая

Абхазизмы в прозе Фазиля Искандера

(Рецензирована)

Аннотация:

Творчество Фазиля Искандера, находящееся на стыке как русской, так и абхазской культуры, впитало в себя элементы двух культур. В словотворчестве писателя находят своеобразное отражение факты межкультурной коммуникации двух народов-абхазов и русских. Ситуация их взаимовлияния представляет определенный интерес для лингвистов как в плане изучения билингвизма, так и в аспекте изучения идиостиля писателя-билингва.

Ключевые слова:

Авторские новообразования, кавказская лексика, абхазизмы, способы освоения, типология и семантизация, идиолект.

«Я русский писатель, но певец Абхазии», – сказал о себе Фазиль Искандер. И действительно, у него безупречный русский язык, неповторимый стиль, верность традициям классической русской литературы. И, тем не менее, когда писатель пишет об Абхазии, он не может обойтись без использования абхазской лексики.

Предметом нашего исследования является абхазская лексика, или же абхазизмы, т.е. слова, функционирующие в русскоязычной прозе, принадлежащей перу автора-абхаза.

Абхазизмы являются составной частью кавказской лексики наряду с адыгизмами, чеченизмами, балкаризмами и иными словами, заимствованными из многочисленных языков народов Северного Кавказа [3: 3].

Чаще всего кавказскую лексику в русской прозе можно найти в текстах на национальную тематику, где показаны история, быт и нравы горских народов. В прозе Фазиля Искандера – на страницах его произведений – можно получить представление об Абхазии, родине писателя, ощутить наяву этот благословенный край с теплым ласковым морем и жгучим южным солнцем, с альпийскими лугами и могучими горами, с городом Сухум (по Искандеру – читай наоборот – *Мухус*), где в верхнем ярусе ресторана «Амра» так приятно вести неспешные разговоры о жизни горцев и их легендах, о простых радостях пастухов и абхазском сыре, о традициях передков и местных конфликтах.

Писатель использует самые различные выразительные средства языка, чтобы передать кавказский колорит, элементы свежести, новизны. Одним из этих элементов выступает язык героев, та национальная лексика, которая содержится в языке. Обращение к творчеству Фазиля Искандера вызвано задачей выделить и описать в его творчестве и авторские новообразования.

В результате исследования нескольких сборников Ф. Искандера, мы обнаружили, что писателем создан ряд новообразований, связанных своим появлением абхазскому языку, которые можно отнести к абхазизмам. Ф. Искандер использует знание родного языка, хотя пишет на русском языке. Язык писателя содержит ряд абхазизмов, некоторые из которых являются дословными переводами на русский язык, а другие, вводя в текст, он приспособляет к русской языковой системе.

Абхазизмы представлены как простые заимствования, фонетически и грамматически приспособленные к системе русского языка. Это в основном абхазские имена собственные: антропонимы и топонимы. Среди последних следует отметить топонимические образования – это поселковые местности *Эндурск* и *Чегем*. В текстах функционируют отвлеченные существительные, образованные от данных топонимов: *эндуристость* и *нечегемность*, *эндурство* и *чегемство*. Именно этими признаками жители *Эндурска* и *Чегема* отличаются от жителей

других местностей. Надо сказать, что *эндурство* и *чегемство* свойственно только «настоящим» героям своего края, людям уважаемым, людям со своими традициями и особым характером. Не обладающих таковыми качествами Ф. Искандер называет *нечегемец*, *неэндурец*. В рассказе «Широколобий» повествуется о том, как буйвол по кличке *Широколобий* пасся однажды с другими буйволами в котловине Сабиды. Затем в рассказе появляется скотокрад, который хочет увести его от остальных буйволов. Но *Широколобий* что-то заподозрил, остановился, взгляделся в очертания человека и понял, что он *нечегемец*. (И-1: 451). Из этого можно понять, что у *чегемцев* есть даже свои внешние отличительные черты.

Кроме того, в частности, в прозе Искандера часто встречается абхазское междометие «хейт» (или его вариант «хайт»), используемое обычно при выгоне скота: «*Хейт! Хейт!*» – кричал я, бросая камни в самые непроходимые заросли, откуда упрямо не хотели выхотели выходить козы... [И-3: 620].

Среди абхазизмов в прозе Искандера естественно встречаются слова, которые при использовании в русской речи имеют фонетические несоответствия со своими абхазскими аналогами. Примером может служить абхазское имя Джамхух из философской сказки «Джамхух – Сын Оленя, или евангелие почегемски», как он звучит в абхазской речи. То же самое можно сказать и о слове *камча* (*айамчы*), где Ф. Искандер при переводе на русский язык заменил звук [й] на русский звук [к].

2. Абхазизмы представлены как производящие основы, оформленные по моделям русской словообразовательной системы. Например, искандеровский неологизм-глагол *искамчил* от абхазского существительного *камча* (кстати, *камча* «кнут», «плеть» встречается и в других языках) приспособлен к русскому слову по способу образования русских глаголов типа *седло – оседлать*, *колесо – исколесил*: «Я его (тут Чагу не найдя соответствующего русского слова, по-абхазски добавил) *искамчил!*» (И-1: 249). То же самое можно сказать о словообразовательном потенциале топонима *Чегем* и *Эндурск*, производные от которых были названы выше.

3. Абхазизмы представлены как словообразовательные кальки. Так, если у русских «солн-

це садится», а у киргизов «солнце садится в песок», то у абхазцев, живших испокон веков возле моря, «солнце всегда погружается в воду» – *амра ндзаалон*. Именно так передает закат солнца Ф. Искандер: «Я сел на свою лошадь, и как раз, когда мы входили в ворота нашего двора, солнце *приводнялось* (пересоздаю слабую копию абхазского глагола)» (И-1: 247). Автор объясняет значение данного слова: «...почему мы про закат говорим такими словами: *солнце приводнилось*, погрузилось, окунулось, *занырнуло* за горизонт? Разве из этого не ясно, что наши праотцы, создавшие наш язык, жили и всегда видели, как солнце в него заходит?» (И-3: 631). Сюда же в эту группу абхазизмов можно отнести новообразования, которые отражают национальное мироощущение, ментальность, характерную для этого народа.

Так, по абхазским обычаям после смерти родственника в окрестные села направлялся человек, который извещал всех о горе, постигшем семью, иначе человек, несущий горькую и печальную весть. Так как в русском языке нет такого понятия, Фазиль Искандер образовал новое слово по типу абхазского, дословно означающего *горевестник*: «Его похоронили наскоро в этот же день, никого не известив, не пустив *горевестников* по селам, как это обычно делается» (6: 641). К этой же группе следует отнести и его новообразование *столодержец*, т.к. существует на Кавказе понятие «главный по столу» (тамада).

К примеру, в прозвище одного из самых ярких героев Искандера, *Колчерукого*, проследживается прямой перевод из абхазского языка «*зыбз цьгью*». Приведем пример: «Будущий владелец ее, если можно так сказать, старик Шаабан Ларба, по прозвищу *Колчерукий*, лежал, говорят, в городской больнице не то с аппендицитом, не то с грыжей (хотя по-русски правильней было бы сказать *Сухорукий*, но *Колчерукий* точнее соответствует духу, а следовательно, и смыслу прозвища)» [И-2: 327]. В рассказе «Чегемские сплетни» из цикла «Сандро из Чегема 1» встречается заимствование из абхазского языка, характеризующее одного из героев. «Минут через двадцать на тропе снова появился племянник в сопровождении местного лесника Омара, человека вздорного и *дурноязыкого*» [И-1: 211].

Своеобразно Ф. Искандер передает название абхазского сорта инжира как *птичий инжир*, имеющего в абхазском значении «мелкий инжир», мелкий по отношению к плоду. Но сема «мелкий» исключается из восприятия человека, а ассоциируется с инжиром, который едят птицы. Таким образом, читатель, не владеющий абхазским языком, обнаруживает сему со значением плода, привлекательного в качестве пищи для птиц, а читатель, знающий родной язык Искандера, понимает, что в значении этого слова лежит сема «мелкий».

4. Отдельно следует остановиться на топониме *Эндурск*, который становится ключевым словом-концептом в тексте: автор уделяет ему особое внимание и оно используется в качестве производящей основы для образования новых словоформ при помощи различных деривационных средств.

Эндурск – это условный географический объект, вымышленная автором местность, вокруг которого локализуется жизнь героев «Сандро из Чегема». К примеру: «Я знал, где она живет, поехал в *Эндурск* и убедился, что все это правда» (И-3: 164).

Фазиль также использует другой вариант наименования Эндурска. К основе – Эндур добавляется суффикс женского рода *-ия*: Эндурия. Напр., «Что вы! Конечно можно! Правь, *Эндурия*, правь!» (И-3: 176). Здесь суффикс *-ия* придает слову новый оттенок более масштабного значения, вызывая у читателей ассоциации с целой страной типа Абхазия, Италия.

Интересен образ непонятных *эндурцев*. Кто же они такие? Прочитав слова самого автора по этому вопросу.

«...Мой немецкий переводчик Саша Кемпфе, прочитав «Сандро», вдруг спросил у меня: – Эндурцы – это евреи? Начинается, решил я, но потом оказалось, что этот вопрос возбуждает любопытство разных народов. *Эндурцев* и *кенгурцев* я придумал еще в детском саду. Мой любимый дядя хохотал над моими рисунками, где я изображал бесконечные сражения двух придуманных племен. Потом любимый дядя погиб в Магадане, а эти придуманные народы выплыли в виде названия двух районов Абхазии. И теперь...я скажу: *эндурцами* могут быть представители любой нации. *Эндурцы* – это и наш предрассудок (чужие), и образ дурной цивилизации, делающие нас чужими самим

себе». (И-1: 12). У абхазцев к *эндурцам* было очень сложное отношение. Напр., *чегемцы* выдвигали свою версию их происхождения. Они считают, что «эндурцы где-то в самых дремучих лесах между Грузией и Абхазией *самозародились* из древесной плесени» (И-3: 408).

В парадигме данного словообразовательного гнезда встречаются лексемы: *эндурка* (основа + суф. ж.р. –к-), напр., «Заставить свою возлюбленную признать себя эндуркой, когда она абхазка...» (И-3: 154); *эндурец*, *не эндурец* (с частицей не) и *неэндурец*:

– Но разве твой брат Сандро *эндурец*, – радостно воскликнул Бахут, – значит ты тоже *эндурец*!

– Нет, – сказал Кязым, – я *не эндурец*. Я единственный *неэндурец* в мире» (И-3: 446).

Интересно образование, созданное по модели «основа эндур- + суф. -ств-о». Напр., *А эндурство* в новой жизни, я думаю, не должно мешать...» (И-3: 165), или «основа эндур- + суф. -ость»: «... родственники, то и дело меняясь и не переставая удивляться какой-то особой каменистости, какой-то неприятной чужеродности, нечегемности грунта, его подозрительной *эндуристости*, отрыли довольно большую яму» (И-2: 229).

Писатель образует лексему с отрицательным оттенком значения «*эндургенция*». Автор объясняет значение нового понятия так: «Считаю, что пора объяснить, что это такое. Наша интеллигенция давным-давно расслоилась на две части. Меньшая ее часть все еще героически остается интеллигенцией в старом русском смысле этого слова, а большая ее часть превратилась в *эндургенцию*» (И-3: 180).

Прилагательное «*эндурская*» пополняет парадигматический ряд. «Из всех чегемцев только он, по мнению Хабуга, как человек нечистых кровей (*эндурская* примесь) и мог решиться на такое святотатство» (И-2: 300).

Перу автора принадлежит и новообразование – глагол «*доендурил*», схему которого можно представить так: прист. до- + основа глагола эндурить-ть- (но здесь «э» меняется на «е») + суф. –л (показатель прош. времени). В тексте новообразование, благодаря словообразовательной модели, характерной для просторечной русской форме глагола *докумекал*, приобретает его коннотации: «До чего же Теймью, ты ее *доендурил*,

– смеялись крестьяне, – что она в такой час вспомнила о полотенце» (И-3: 439).

Таким образом вокруг данного топонима при помощи различных деривационных средств русского языка образуется целое гнездо слов, отражающих менталитет его героев. Это:

1) топонимы – *Эндурск*, *Эндурия*, *Эндурский район*,

2) названия лиц с качествами Эндурска (*эндурец*, *эндурка эндурцы*), или не обладающие таковыми (*неэндурец*, *неэндурцы*),

3) названия качеств и признаков (*неэндурство*, *эндурская*, *эндуристость*, *эндургенция*),

4) название действия, связанного с понятием *эндурец* (*доендурил*).

Т.о., можно сделать вывод, что абхазскую и русскую культуры писатель знает превосходно. Компоненты этих культур в его творчестве объединены в единое целое и кажется, невозможно их отделить. Заметно присутствие в прозе Ф. Искандера элементов абхазского кодекса этикета «*ансуара*» (абхазство).

«Творчество Ф. Искандера представляет собой художественный феномен: писатель, пишущий исключительно на русском языке, он, тем не менее, принес в русскую литературу богатый мир абхазской бытовой и культурной жизни» [1: 9]. Так пишет О.С. Козэль в своей диссертации, посвященной анализу художественного новаторства писателя.

Действительно, проза Ф. Искандера занимает в русской литературе особое место. Вот что пишет об этом Станислав Рассадин: «В русской литературе у него положение особое. Он не просто абхазец, пишущий по-русски; он, став русским писателем, не перестал быть абхазцем. Колорит родного юга в его книгах уже не только свойство материала, но свойство кисти... В превосходной русской речи Искандера живет очень национальная, южная, кавказская интонация» [2].

Ф. Искандер описывает сотни самых различных историй, семейных, бытовых, стремится к полному и всестороннему охвату абхазской жизни. Местом действия чаще всего является Абхазия. Актуальным является исследование творчества, языка и стиля писателя в контексте нравственной и духовной связи двух культур одновременно, с позиции двух литератур. Изучение художественного потенциала данного автора невозможно проводить в отрыве

от особенностей национальных культур – русской и абхазской.

Таким образом, тексты Ф. Искандера представляют, на наш взгляд, богатый и разнообразный фактический материал для исследования его идиостиля. Выявленные абхазизмы характеризуются разнообразными парадигмами, яркими, экспрессивно-эмоциональными формами, различными по своим стилистическим возможностям и позволяют судить об особенностях использования абхазской лексики как стилеобразующего признака идиодиалекта писателя.

Сам Ф. Искандер не считает себя национальным писателем и говорит, что никогда не задумывался о том, чтобы быть ярко национальным, абхазским, писателем. Это должно получиться само собой. Он берет тот или иной момент абхазской жизни не потому, что он абхазский, а потому, что отражается в таких моментах та действительность, которую он хорошо знает.

Ф. Искандер соединил в своих сложных и многогранных произведениях лучшие стороны двух национальных культур – русской и абхазской. Он перенес их на систему персонажей, событий

Таким образом, нельзя сказать, что проза Ф. Искандера пестрит разнообразием абхазизмов, внедренных в русскоязычный текст. Вместе с тем, они представляют особый интерес, показывая, что произведения Искандера опираются на национальный мир своих героев.

Примечания:

1. Козэль, О.С. Проза Фазиля Искандера. Мироздание писателя. Поэтика: дис. ... канд. филол. наук / О.С. Козэль. – М., 2006.
2. Рассадин, Ст. Похвала здравому смыслу, или Пятнадцать лет спустя / Ст. Рассадин // Юность. – 1978. – № 2.
3. Шхалахо, С.Ш. Кавказская лексика в русском языке в русскоязычных текстах (на материале адыгизмов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.Ш. Шхалахо. – Майкоп, 2004.

Тексты:

- И-1: Искандер, Ф.А. Стоянка человека: повести и рассказы / Ф.А. Искандер. – М., 1991.
- И-2: Искандер, Ф.А. Сандро из Чегема 1: Собрание. – М.: Время, 2003.

И-3: Искандер, Ф.А. Сандро из Чегема 2: Собрание.
– М.: Время, 2003.

И-4: Искандер, Ф.А. Сандро из Чегема 3: Собрание.
– М.: Время, 2003.

И-5: Искандер, Ф.А. Большой день большого дома.
– Сухуми: Алашара, 1986.

И-6: Искандер Ф.А. Ласточкино гнездо: проза. По-
эзия. Публицистика. – М.: Фортуна Лимитед,
1999.